

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Глебина Андрея Владимировича на тему: «Сделки во внешнеэкономической деятельности: понятийный аппарат», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Диссертационное исследование А.В.Глебина посвящено анализу понятийного аппарата сделок во внешнеэкономической деятельности. К таковым относятся, прежде всего «внешнеэкономические сделки» (далее – «ВЭС»).

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в общей сложности 6 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

В Главе 1 «Основные терминологические проблемы сделок во внешнеэкономической деятельности в российском праве и юридической науке» рассматриваются вопросы терминологии, а также понятие ВЭС.

В Главе 2 диссертации «Признаки внешнеэкономической сделки» анализируются отдельные признаки ВЭС – различная государственная принадлежность сторон, местонахождение коммерческих предприятий сторон в различных странах, предпринимательский (возмездный) характер.

В заключении указываются выводы, к которым пришел автор в результате исследования.

Диссертационное исследование характеризуется комплексным характером – автор проанализировал множество современных научных работ

иностранных и российских специалистов по вопросам правового регулирования ВЭС, сконцентрировавшись на терминологическом и понятийном аппарате. В частности, в параграфе 1.1 (с. 16-56) диссертации приведен детальный анализ терминов и понятий «сделка», «договор»,

«контракт», и производных терминов и понятий, используемых во внешнеэкономической сфере. При этом автор скрупулёзно исследовал не только современную российскую, но и советскую доктрину, а также работы некоторых зарубежных авторов. С большинством выводов и критических замечаний автора, изложенных в параграфе 1.1, можно согласиться – в отечественной доктрине действительно существует бессистемность в использовании терминов «контракт», «сделка», «договор», «ВЭС», «внешнеторговый договор», «внешнеэкономическая операция». В частности, оправдан вывод автора о том, что возмездность не является обязательным признаком всех ВЭС, поскольку односторонние сделки всегда являются безвозмездными (с. 21-25, 33, 162).

Вместе с тем вывод, который делает автор в заключительной части параграфа 1.1, очевиден и не обладает новизной: для обозначения частноправового договора применительно к отношениям во внешнеэкономической сфере следует использовать термин «контракт», а термин «сделка» употреблять в том случае, если подразумеваются контракты и односторонние сделки (с. 56).

В параграфе 2.1 диссертант подробным образом проанализировал понятия «государственная принадлежность» и «национальность» лица. Соискатель также справедливо указывает на бессистемность употребления терминов в законодательстве и отсутствие четких определений. В качестве иллюстрации в диссертации приводится пример определения внешнеторговой бартерной сделки в ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. (с послед. изменениями) (с. 108).

Представляет интерес проведенный автором подробный анализ понятия «коммерческое предприятие стороны» на основе анализа, главным образом, конвенционных источников (с. 133-144).

Диссертация характеризуется сравнительно-правовой направленностью. Автором проанализированы работы иностранных авторов, посвященные регулированию международных контрактов.

К достоинствам работы относится также грамотный юридический язык, ясность мысли, логичный стиль изложения материала. Несмотря на временами присутствующую схоластичность, диссертация читается легко.

Соискатель обуславливает **актуальность исследования** тем, что в законодательстве и международных договорах РФ используются термины «внешнеэкономическая сделка», «внешнеторговый договор», «внешнеторговый контракт», а в нормативно-правовых актах и в научной литературе отсутствует ясность относительно того, как соотносятся между собой данные термины (с. 3 диссертации). Обосновывая актуальность, автор ссылается на ФЗ «Об экспортном контроле» 1999 г. (с послед. изменениями), статьи 213, 214, 232, 276, 312 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» 2010 г. (в настоящее время не действующие в связи с принятием ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ, который также в ряде статей упоминает «внешнеторговые сделки» и «ВЭС»), Налоговый кодекс РФ и ныне не действующий Таможенный кодекс Таможенного союза (в настоящее время действует Таможенный кодекс Евразийского экономического союза 2017 г., который не содержит упоминания внешнеэкономических/внешнеторговых сделок (контрактов).

Отсутствие единой терминологии в законодательстве, в частности, в вышеуказанных нормативных актах, можно отнести к недостаткам юридической техники, на что неоднократно обращает внимание и сам диссертант. Кроме того, многие цитируемые автором законы были приняты еще до реформы ГК РФ 2013 г., поэтому в силу своеобразной сложившейся традиции используют старую терминологию. Нам представляется, что строить гражданско-правовую концепцию сделок во внешней торговле, включая понятийный и терминологический аппарат, на нормативном материале, имеющем публично-правовую направленность, не логично. Либо данная концепция должна быть узкоспециальной, т.е. использоваться исключительно

для целей специального регулирования (экспортный контроль, лицензирование и т.д.).

Кроме того, и сами нормативные акты (например, ст. 2 ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности») специально указывают, что употребляемые ими понятия используются «для целей настоящего Федерального закона», о чем пишет и сам автор (с. 123-124 диссертации).

Что касается разницы между возможностью использования для определения понятия ВЭС Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. и ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (с. 124-125 диссертации), то она состоит в том, что Венская конвенция регулирует частноправовые отношения, тогда как упомянутый Закон – публично-правовые (принципы и методы регулирования внешнеторговой деятельности, торговая политика РФ, полномочия государственных органов в области внешнеторговой деятельности, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, квотирование и лицензирование, защитные меры и т.п.). Соответственно, содержащиеся в Законе определения понятий должны использоваться именно для целей регулирования указанных в Законе публично-правовых отношений и не представляют ценности для регулирования частноправовых отношений. Поскольку понятие «ВЭС», «внешнеторговая сделка» кроме указанных автором законов и подзаконных нормативных актов нигде более не используются, то их толкование и применение относятся только к толкованию и применению данных актов.

На с. 128 диссертации автор основывает свои рассуждения на прежней редакции Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», в то время как 29.12.2015 г. в данный Закон были внесены существенные изменения (в том числе в той части, которая анализируется автором).

Как известно, Федеральными законами от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ¹ и от 30.09.2013 № 260-ФЗ² о внесении изменений в ГК РФ термин «внешнеэкономическая сделка» был исключен из соответствующих статей Кодекса (ст. 162 и ст. 1209). Исходя из логики законодателя, теперь уже нет необходимости в самостоятельном правовом режиме «внешнеэкономических сделок». В настоящее время все сделки делятся на два вида – осложненные иностранным элементом (можно именовать их «международными») и не осложненные иностранным элементом (т.е. «внутренние»). Сделки, осложненные иностранным элементом (ст. 1186 ГК РФ), подпадают под действие раздела VI части третьей ГК РФ («Международное частное право»). К сделкам, которые ранее именовались «внешнеэкономическими», можно отнести те, которые осложнены иностранным элементом и носят предпринимательский характер. Их можно именовать по-разному – «международными коммерческими сделками», «трансграничными коммерческими сделками», «международными торговыми сделками» и т.п. – терминология определяющего значения не имеет, поскольку не один из указанных терминов не имеет какого-либо «легального» воплощения в актах, которые регулируют частноправовые отношения.

Такие признаки международных (внешнеэкономических) сделок, которые традиционно анализировались в отечественной литературе (перемещение товаров через государственную границу; использование при расчетах с контрагентом иностранной валюты; специфика рассмотрения споров между контрагентами; особый круг источников, регулирующих сделку и т.п.), в настоящее время имеют правовое значение лишь для определения наличия или отсутствия иностранного элемента в составе договорного правоотношения.

¹ ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ» (вступил в силу с 01.09.2013 г.).

² ФЗ «О внесении изменений в часть третью ГК РФ» от 30.09.2013 г. № 260-ФЗ (вступил в силу с 01.11.2013 г.).

К замечаниям можно также отнести недостаток в привлечении автором материалов судебной и арбитражной практики, в связи с чем рассуждения автора носят излишне теоретический, а местами схоластический характер. Диссертация несомненно бы выиграла, если бы автор не просто проиллюстрировал расхождения в понимании значения тех или иных терминов в судебной и арбитражной практике, но показал результат такого расхождения. В цитируемых соискателем решениях МКАС при ТПП РФ вопросы существа отношений сторон не затрагиваются, речь в основном идет о терминологии.

Научная новизна диссертации вызывает сомнения. Автор указывает, что в диссертации «впервые в комплексе исследованы основные терминологические проблемы сделок во внешнеэкономической деятельности...»; «диссертация является первым... исследованием, полностью посвященным данной проблематике»; «внедрении новых более эффективных подходов к исследованию проблем понятийного аппарата позволило поставить под сомнение значительное количество концепций и утверждений...» (с. 9). Таким образом, научная новизна проявляется в самом «исследовании» с элементами отрицания существующих концепций и утверждений, а не в создании какой-либо новой концепции (или обоснование существующей), или решении научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний. В самом по себе «исследовании» не может заключаться научная новизна, поскольку исследование – это процесс, а не результат.

Выводы, выносимые на защиту, также не обладают необходимой научной новизной, они не проработаны.

Положение № 1 не содержит научной новизны. Автор лишь констатирует факт бессистемности в употреблении терминов «сделка» и «договор» в нормативных актах и литературе и дает рекомендации касательно употребления данных терминов.

Положение № 2 не содержит научной новизны. Автор лишь констатирует факт, что в ФЗ «Об экспортном контроле» 1999 г. (с послед. изменениями), Постановлении Правительства РФ № 691 от 15.09.2008 г. (с послед. изменениями), Постановлении Правительства РФ № 583 от 13.06.2012 г. (с послед. изменениями) используются такие признаки ВЭС как различная государственная принадлежность и сопряженность с экспортно-импортными операциями. Далее содержится пожелание использовать данные признаки в законодательстве более последовательно. Это положение может быть отнесено к практической значимости исследования, но не к научной новизне.

Стоит отметить, что указанные автором акты имеют публично-правовой характер и направлены на регулирование тех ВЭС, которые касаются специальных видов товаров, работ, услуг, технологий и пр. Так, действие ФЗ «Об экспортном контроле» 1999 г. (с послед. изменениями) распространяется на внешнеэкономическую деятельность в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов. При этом цель Закона обозначена четко и недвусмысленно – осуществление экспортного контроля. Данный Закон говорит о ВЭС в связи с необходимостью получения письменного обязательства иностранного лица об неиспользовании товаров и технологий в целях создания оружия массового поражения и средств его доставки. Закон предусматривает порядок государственной экспертизы ВЭС, подлежащих экспортному контролю, учет ВЭС для целей экспортного контроля.

Утвержденные Постановлением Правительства РФ № 583 Правила определяют порядок учета ВЭС с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов. Утвержденное Постановлением

Правительства РФ № 691 Положение о лицензировании устанавливает правила выдачи лицензий на осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов и в отношении которых установлен экспортный контроль.

Иными словами, все указанные нормативные акты, на которые ссылается автор, носят специальный характер и направлены на регулирование исключительно публично-правовых отношений в отношении контролируемой продукции.

Положение № 3 не содержит научной новизны. В данном положении содержатся рассуждения на конкретную тему – невозможность использования критерия местонахождения коммерческих предприятий сторон в разных государствах для определения понятия ВЭС. Каких-либо позитивных предложений данное положение не содержит.

Положение № 4 не содержит научной новизны. В положении содержатся рассуждения на конкретную тему, а именно – толкование понятия «коммерческое предприятие стороны» (place of business), под которым автор понимает «подразделение» стороны. Признаки «подразделения» не раскрыты. В положении также содержатся обращения к ООН с пожеланиями определиться в вопросе использования понятия “place of business”, что также нельзя квалифицировать в качестве научной новизны.

В Положении № 5 автор обосновывает отсутствие у ВЭС таких признаков как «предпринимательский характер» и «возмездность». В качестве обоснования автор ссылается на положения ФЗ «Об экспортном контроле» (с послед. изменениями) и Приложение № 5 к Приказу ФТС России «О классификаторах и перечнях нормативно-справочной информации, используемых для таможенных целей» от 21.08.2007 г. № 1003 (с послед.

изменениями), которое к ВЭС относят в том числе сделки, заключенные с физическими лицами и «безвозмездные сделки», одной из сторон которых является некоммерческая организация. Как уже отмечалось, нормы данных нормативных актов носят специальный характер и выводить общие признаки ВЭС на основе данных специальных актов не логично.

В Положении № 6 автор обосновывает различие терминов «ВЭС» и «международная коммерческая сделка». С учетом того, что термин «ВЭС» теперь используется в узкоспециализированном смысле (применительно к экспортному контролю), с данным тезисом следует согласиться. Тем не менее, данный вывод носит частный характер, а также характер негативного утверждения, что не позволяет выносить его на защиту.

В Положении № 7 диссертант предлагает к использованию систему терминов – «контракт», «сделка». В определении данных понятий (а не терминов) новизны не усматривается. Далее автор констатирует, что международный характер сделки в одних случаях связывается с экспортно-импортными операциями, а в других термин «международный» означает «наличие какого-либо международного элемента». Во-первых, в этих рассуждениях отсутствует ясность: автор в одном предложении рассуждает о различных понятиях – международном «характере» сделки и «термине» «международный». Во-вторых, выводы автора не заключают в себе новизны: ВЭС традиционно связывали с экспортно-импортными операциями еще в советское время (Л.А.Лунц и др.), а наличие международного или иностранного элемента для характеристики сделки в качестве «международной» является общепризнанным подходом в современной доктрине и не вызывает дискуссий.

В Положении № 7 автор также предлагает среди международных сделок выделять «торговые», «экономические», «хозяйственные», «коммерческие» сделки. При этом соискатель не обосновывает смысл (практический или теоретический) в выделении данных разновидностей сделок, а также цель введения соответствующих терминов.

В заключительном абзаце Положения № 7 автор даёт определения ВЭС и внешнеторговой сделки. Предложенные автором определения не содержат новизны, основаны на положения действующего ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. (с послед. изменениями). Ценность указанных определений для науки не усматривается.

Кроме высказанных замечаний следует также отметить следующее:

1. Диссертация датирована 2016 годом. В результате в диссертации исследованы устаревшие нормативные акты и международные договоры:

а) Таможенный кодекс Таможенного союза в настоящее время не применяется в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза 2017 г.;

б) на с. 33 диссертации автор указывает, что «Современное российское законодательство использует термин «односторонняя внешнеэкономическая сделка». Между тем, ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» 2010 г., на который ссылается автор, в настоящее время в соответствующей части не действует в связи с принятием ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ, который не упоминает «односторонние ВЭС»;

в) на с. 81 автор ссылается на Регламент МКАС, не действующий в настоящее время;

г) на с. 128 использует старую редакцию Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» (без учёта существенных изменений от 29.12.2015 г.).

Автору следовало бы также проанализировать положения Гаагских принципов о выборе права, применимого к международным контрактам 2015 г.³ В частности, в отличие от Венской конвенции и других международных

³ См. текст Принципов и комментариев к ним: The Hague Principles On Choice of Law in International Commercial Contracts (approved on 19 March 2015) // http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=135#text

соглашений, заключенных в последние десятилетия, Гаагские принципы вместо термина «место бизнеса» сторон (“place of business”) используют более общий термин – «деловое обзаведение» сторон (“establishment”).

2. В силу того, что диссертационное исследование выполнено по состоянию на 2016 год, в нем не нашли отражение работы, вышедшие в свет в 2016-2018 гг.:

Из практики Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ. 1987 – 2005 годы / Под ред. *С.Н.Лебедева, А.И.Лободы, Д.Б.Филимонова*. – М.: Статут. 2009;
Из практики Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ. 2005 – 2010 годы / Под ред. *С.Н.Лебедева, А.И.Лободы, Д.Б.Филимонова*. – М.: Статут. 2011;

Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2016; *Он же*: Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2016; *Он же*: О понятии международного контракта (сделки) // Международное публичное и частное право. – 2017. – № 1. – С. 19-22;

Мажорина М.В., Алимова Я.О. Международные контракты и их регуляторы: учебник для магистратуры. – М.: Норма, 2017;

Международное частное право: Учебник. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. *С.Н.Лебедев, Е.В.Кабатова*. – М.: Статут. 2015;

Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016. К 85-летию МКАС / Науч. ред. и сост.: *А.Н. Жильцов, А.И. Муранов*. – М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2017;

Симатова Е.Л. Использование термина "внешнеэкономическая сделка" в гражданском законодательстве РФ // *Lex russica*. 2014. N 11. С. 1296 – 1303;

Стригунова Д.П. О понятии и особенностях правового регулирования международных коммерческих договоров // Международное публичное и частное право. 2018. N 2. С. 18 – 21; *Стригунова Д.П.* Правовое регулирование международных коммерческих договоров". В 2 т. Т.1. – М.: Юстицинформ, 2017.

3. Не ясно, какую цель преследует автор, скрупулезно исследуя вопросы соотношения различных понятий и обозначающих их терминов? Например, в параграфе 1.2 на с. 57-58 идут рассуждения о соотношении понятий «внешнеторговый договор» и «внешнеэкономический договор». Эти понятия в настоящее время используются в ряде законодательных актов, но скорее как синонимы. В диссертации отсутствуют (не приведены) доказательства того, что законодатель намеренно вкладывал в данные понятия различный смысл. Какова тогда практическая и теоретическая ценность проведенного автором исследования?

Аналогичным образом, не ясен смысл соотношения понятий «внешнеторговая сделка» и «международная торговая сделка» (с. 59-60), «ВЭС» и «международная коммерческая сделка» (с. 61-72). На с. 61 автор говорит о необходимости соотнесения понятийного аппарата российского права и иностранного права, однако, никаких примеров не приводит. Хотелось бы, чтобы автор привел примеры из практики, которые доказывают, что различия в терминологии («внешнеторговая сделка» vs. «международная торговая сделка») влечет какой-либо результат (например, приводит к неверной квалификации и, как следствие, неправильному разрешению дела и т.п.).

На с. 65-66 автор говорит о том, что термины «внешнеэкономический», «внешнеторговый» используются в значительном количестве нормативных актов. Однако, изменятся ли ситуации каким-либо образом, если термины «внешнеэкономический», «внешнеторговый» будут заменены другими терминами (например, термином «международный»)? И наоборот, изменится ли ситуация, если в законодательстве России вместо термина «международный» будет повсеместно использоваться термин «внешнеэкономический»/ «внешнеторговый»? Полагаем, что нет, и обратного автор не доказал, но, вероятно, сможет попытаться сделать это на публичной защите. В противном случае данные рассуждения представляются научной схоластикой.

4. Необходимо учитывать и отсутствие единообразия в переводах текстов международных актов на русский язык. Например, термин “international commercial arbitration” в названии Европейской конвенции 1961 г. переведен на русский язык как «внешнеторговый арбитраж», в то время как аналогичный термин “international commercial arbitration” в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 г. переведен на русский язык как как «международный коммерческий арбитраж». В данном случае термины «внешнеторговый» и «международный» используются как синонимы, они идентичны по значению.

Примеры откровенно неудачных переводов иностранных терминов на русский язык можно встретить во многих документах. Например: термин “international contracts” в Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных контрактах 2005 г. неудачно переведен на русский язык как «международные договоры»; термин “place of business” в целом ряде конвенций (Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г., Конвенция УНИДРУА о международном факторинге 1988 г. и др.) переведен на русский язык как «коммерческое предприятие стороны» вместо «место ведения стороной коммерческой деятельности»; термин “international interests” в Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. корректно переводится на русский язык как «международные обеспечительные интересы», однако в официальном переводе переведен как «международная гарантия».

Примеров такого некорректного перевода можно привести множество. Следовательно, выводы, основанные на анализе исключительно терминологии, производной от иностранных текстов, могут быть неверными в принципе. При этом отечественная и зарубежная доктрина и практика свидетельствуют, что при расхождениях в понимании текста конвенции суды обращаются к аутентичному варианту международного соглашения. Несмотря на наличие у той или иной конвенции нескольких официальных текстов,

которые признаются равно аутентичными, следует признать, что де-факто преимуществом в случае противоречий обладает текст на том официальном языке, который являлся рабочим при составлении и обсуждении конвенции. Поэтому при уяснении значения того или иного термина в международной конвенции (договоре, соглашении) не стоит концентрироваться лишь на русском тексте, который может не являться аутентичным или рабочим языком.

5. На с. 92-93 автор указывает, что нормативные акты, относящиеся «к сфере публичного права» по большей части основываются на концепциях и терминологии, которых придерживались в своих работах известные советские ученые (Л.А.Лунц, В.С.Поздняков, О.Н.Садилов и др.). В частности, терминология данных авторов схожа с той, которая используется в Положении о лицензировании внешнеэкономических операций с товарами, работами, услугами, в отношении которых установлен экспортный контроль. Данный аргумент не выдерживает критики. Во-первых, нет оснований полагать, что авторы Положения о лицензировании при написании этого нормативного акта основывались на терминологии советского периода. Во-вторых, в советский период времени существовала государственная монополия внешней торговли и уже в силу этого обстоятельства внешняя торговля испытывала на себе значительное влияние публично-правовых актов таможенного, валютного и специального экспортно-импортного законодательства. В-третьих, упомянутое Положение о лицензировании не регулирует частноправовые отношения, но исключительно публично-правовые, причем связанные с экспортным контролем. Вопрос о том, какие сделки подпадают в сферу регулирования данного Положения решается не на основе квалификации сделок в качестве внешнеэкономических (внешнеторговых и пр.), а на основе исключительно одностороннего волеизъявления государства. Для целей применения упомянутого Положения гражданско-правовая характеристика сделок не имеет принципиального значения. Гражданско-правовая квалификация понятий «ВЭС» и других подобных понятий не может

строиться на основе анализа нормативных актов, которые регулируют публично-правовые отношения, связанные с этими ВЭС.

6. Основой для определения понятия «ВЭС» в отечественной литературе выступал главным образом контракт международной купли-продажи. Однако, для договоров международной перевозки грузов, международных расчетных сделок контрактов международного подряда и некоторых других установлены иные критерии признания их «международными»/ «внешнеэкономическими»/ «внешнеторговыми». Однако этот вопрос не проанализирован в диссертации. Выступая против выведения признаков ВЭС из положений Венской конвенции (с. 115-128), автор сосредоточился на договоре международной купли-продажи, но не проанализировав другие виды договорных отношений, регулирующие их правовые нормы, соответствующую судебную практику, доктрину. В результате понятие «ВЭС» (внешнеторгового договора/сделки/контракта) оказалось существующим само по себе, оторванным от договоров подряда, услуг, лизинга, факторинга, перевозки, страхования, расчетных сделок, посреднических договоров и других видов сделок.

Представляется, что на публичной защите автор прояснит свою позицию по вышеуказанным вопросам.

Переходя к формальным требованиям, предъявляемым к научным работам Положением о порядке присуждения ученых степеней ВАК при Минобрнауки России (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, в ред. от 28.08.2017 г.), необходимо констатировать, что диссертация Глебова А.В. не соответствует критериям, установленным указанным Положением:

- избранная автором тема не является актуальной;
- научные положения, выводы и рекомендации, в частности, выносимые на защиту положения, не обоснованы и не обладают научной новизной;
- в настоящем виде диссертация не является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение

для развития науки гражданского права, предпринимательского и международного частного права;

- предложенные автором диссертации решения нельзя признать аргументированными. Многие из них уже являются известными решениями.

Следует отметить, что, тем не менее, диссертация Глебова А.В. обладает внутренним единством. Диссертантом проявлена увлеченность научным исследованием. Скрупулезный анализ автором доктрины советского периода позволяет заключить, что работа представляет интерес с исторической точки зрения. Основные научные результаты диссертации опубликованы автором в рецензируемых научных изданиях (в общей сложности автором опубликованы 8 статей, из которых 6 статей из списка ВАК РФ). Автореферат и публикации соискателя отражают основные положения диссертации.

Вывод: Диссертация А.В.Глебина не отвечает всем необходимым требованиям, предъявляемым к научным работам, представляемым на соискание ученой степени кандидата юридических наук Положением о порядке присуждения ученых степеней ВАК при Минобрнауки России (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, в ред. от 28.08.2017 г.). По нашему мнению, автору можно порекомендовать доработать диссертацию и представить её на защиту вновь.

Решение вопроса о присуждении А.В.Глебину искомой ученой степени кандидата юридических наук по результатам публичной защиты настоящей диссертации остаётся на усмотрение диссертационного совета.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук
(специальность 12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право),
профессор, профессор кафедры международного частного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
(адрес: 125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9)

Канашевский Владимир Александрович

10 сентября 2018 г.

ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

Начальник отдела

Управления кадров Л.Б. Красильникова

«20» 09 2018 г.